

«ОНИ СУДЬБУ НЕ ВЫБИРАЛИ»

«Молодая гвардия» в свое время публиковала отрывки из первой книги романа Олега Кузнецова. Сейчас Сахалинское книжное издательство готовит в свет обе книги под одной обложкой и общим названием «Они судьбу не выбирали». Предлагаем небольшой отрывок.

Смолин протянул высокий до желтизны, с обломанным уголком листок бумаги. Это был документ, выданный японской властью двадцать пять лет назад; сперва его хранила мать, затем – отец, последние два года – брат.

– Ну и что тут написано? – глянул на иероглифы участковый.

– Что я – Филипп Гуревич Квашнев.

– И полюбуйтесь, будьте добры, – шагнул к участковому Антип, аккуратно вытаскивая из кармана потертой куртки серые, в тонких трещинках фотографии. – Енто родители покойные наши, вот Филипп, а рядом...

– Помолчи. Разберусь, – участковый разложил на столе фотографии и рассматривал их в удрученном состоянии. – Ты здорово похож на отца, – поднял глаза на Ивана. – И какого черта вы тут жили, рождались? Как теперь?.. Чтобы паспорта заиметь, надо же гражданство принять. А какие вы граждане, если находились за рубежом? – он, похоже, не столько им говорил, сколько рассуждал сам с собою. – Ладно, разберусь. Через неделю приходите. Что-нибудь выдадим.

Не понравилось это Смолину. Жил у брата, не показываясь на люди, и мучился

сомнениями: почему так долго надо ждать и чем закончится ожидание? Наверняка проверяют, кто он такой, живет ли в поселении. А может, у них есть список разыскиваемых госбезопасностью, и участковый узнает, что Смолин – и есть Квашнев, который нуждается в документе. Что ж, дело ясное: документ привезут, и когда Иван протянет к нему руку, из других комнат выйдут эмгэбисты в гражданском, с наганями. Или нагрянут сюда, в дом Антипа. В общем, хрен редьки не слаще.

Днем Иван с большим внутренним напряжением вглядывался в каждого, кто приближался к дому – чаще мимо проходили мужики, что работали на берегу лагуны; вскоре всех запомнил в лицо. По ночам, лишь гавкнет собака, отрывал от подушки голову; если собака лаяла, вставал с постели, прислушивался – у калитки чудились шорохи, говор. Иван переступал к противоположному окну, открывал рамы, готовый прыгнуть в огород, за кусты. Однажды разбудил Антипа, попросив:

– Глянь, кто там?
– То? Да котара али кобель соседний. Мой же – дурень. Вечером, было, выхожу, а он на тень свою брешет. Представляешь, какой? Не слухай его, спи спокойно.

В четверг в полдень на крыльце в ярком солнечном свете возникла женщина, которую невероятно как долго не видел, но узнал мгновенно. И отскочил от окна – испугался. Окажется перед ним, глянет изумленно и пронзительно в глаза его, и через них будто проникнет в самую душу. Но что из того? Можно всю ее обжечь взглядом, можно все в ней перевернуть – будет жутко больно и нестерпимо жалко их иной, несостоявшейся жизни, той, которую задумывали и обязательно прожили бы, если б... В душе его нет объяснений, почему все дрянно получилось. И нет вины. Да не поверит же, не поверит. Но, ей-богу, не хотел он ничего, что вышло...

Аленка стояла, слегка наваливаясь на перила, – стройная, прямо как в девичестве, лицо только безжалостно изрезали морщинки, даже округлый подбородок мелко изрублен ими; в темных глазах – тоска, и как-то неестественно, словно брызги извести, по черным волосам – седые пятна. Что-то осторожно тихо сказала Ксения, отдала деньги – долг и легко пересекла двор.

Весь день Иван думал об Аленке. И поразился: в памяти его точно ножом выцарапаны все те дни, которые прожил здесь, в поселении. А ночью во сне к нему пришли обе жены – Аленка и Мария. Опустились на скамейку у стены и крепко держали его напряженными злыми взорами. Были они с высокими прическами, на японский лад, в деревянной обуви и молочноматовых с пышными розовыми цветами кимоно.

– Странно, где это вы познакомились? – спросил Иван.

Они вынули из рукавов наганы и навели на него, презрительно-брезгливо говоря:

– Отвечай, кто ты? Как твоя настрающая фамилия?

И одновременно грохотом выстрелили...

Ивана словно вышвырнуло из постели, и он, отлетев к окну с пистолетом в руке, замер. На кухне сочно капало, затем устало вздохнула Ксения:

– Ох, трупень ты бестолковый! – и голос ее начал крепчать. – За каким лядом ночью вставал, что смотрел-то? И кто для чего дела тонкую посуду берет? Ох, горе с тобой! Чтоб тебя самого ба так рвануло! – она грохнула дверь, уходя во двор.

Иван шагнул на кухню. Антип стоял посередине серой лужи, из которой светились острые стекла; стены и потолок тоже были обрызганы серой кашцей.

– Чуешь, как пахнет? Не брага, а настоящая самогония заиграла. Не уследил. Как мина ахнула. Ежели баба на минуту ране зашла сюды – контузило ба!

На улице было свежо и тихо; поблескивала под солнцем влажная роса земля. Когда сели завтракать, от леса на поселение посыпался треск мотоцикла – приехал участковый; на дороге он дважды остановился, говоря встречным, чтобы не мешкая, шли к нему и передали другим, что принимать будет только до обеда.

Антип засуетился. Иван одернул его:

– Не торопись. Узнай, один он или...

– Один. Понятно, один. Сам же видал, как ехал.

– Ты убедись, говорю. Может, ночью, когда ты еще дрых, они прошли туда. А теперь он нарочно во всю глотку протарахтел.

Антип ушел. Часа полтора его не было; в дом прибежал испуганный:

– Пошли быстрее, а то умогает. Никого с ним нету, я в окна заглядывал, и Чесночика сказала, один всю избу закурил – клопы дохнут.

Иван еще немного выждал, сунул пистолет за ре-

мень, застегнул снизу грубую куртку и кивнул брату. – Айда.

Антип шел, чуть отставая, и вытирал пот со лба.

Участковый встретил их с усмешкой.

– А-а, так друг за другом и ходите. Вот, забирайте, – ткнул он пальцем в листки, лежавшие на углу стола, поднялся, надел фуражку. – Чтоб порядок в поселке был. Понятно!

Острый клекот мотоцикла полетел из поселения.

Иван развернул листок, стал читать:

Справка

дана настоящая жителю поселения Выселки в том, что он действительно является Квашневым Филиппом Гуревичем, с 1905 года рождения, русский.

Справка дана предьявителю для устройства на работу и проживания в Корсаковском районе.

– Обмыть ба документо? – хихикнул Антип.

– Это, брат, ты мудро сказал.

Иван хорошо принял самогонки, развеселился, рассказывая анекдоты и забавные истории. Антип и Ксения то замирали с разинутыми ртами, то тряслись от смеха до слез, до колик. И бесконечно восхищались: ай да Филипп, и где такого набрался? А после Иван с братом сидели в темной теплоте избы и негромко тянули песню, которую вербованные привезли с материка:

Эх, дороги...

Пыль да туман.

Холода, тревоги

Да степной бурьян...

Уснули они перед рассветом; утром Ксения подняла Антипа, а Иван отсыпался до полудня. Встав, опохмелился и, простившись с братом и его женой, отправился в новый путь.